

борцов за свое дело: искусно составленная «книжечка» прокладывала дорогу его продолжателям, освещала их деятельность именем любимого вождя, спланивала друзей, притягивала колеблющихся; она создавала общественное мнение: единый фронт против единого врага.

Если наши соображения верны, то здесь можно сделать и кое-какие выводы относительно источника Аппиана. Совершенно отпадает предположение Каркопино, что между Аппианом и его источником нет никакого посредствующего звена, так как Аппиан и автор, им используемый, якобы почти соприкасаются по времени. Трудно представить, чтобы автор, писавший во второй половине I в. н. э. (к этому времени относит Каркопино источник Аппиана) знал литературу эпохи Гракхов: к его времени она была, конечно, уже утеряна. Автор, использовавший памфлет, о котором шла речь и через посредство которого с этим памфлетом ознакомился Аппиан, не был отделен от Гракхов большим промежутком времени. Если Эд. Мейер прав, и Аппиан пользовался в I книге своих «Гражданских войн» только одним источником, то надо признать, что источник этот пользовался теми материалами, которые имелись в его распоряжении, довольно бездумно, предпочитая просто списывать без рассуждения и проверки; определенных политических тенденций у него не было: достаточно сравнить страницы, посвященные Тиберию, с главами о Гае. Историческая литература того времени дошла до нас в таких отрывках, что бесполезно гадать об имени этого источника, но, может быть, дальнейшее изучение Аппиана, начало которому положил Шварц (RE, II, стб. 216), позволит ближе и полнее охарактеризовать этот источник.

Проф. М. Е. Сергеев

О ПРИМЕНЕНИИ РАБСКОГО ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИТАЛИИ В I в. н. э.

Маркс и Энгельс, давшие глубокий анализ причин гибели рабовладельческой формации, указывали, что на последнем этапе ее развития рабство стало экономически невыгодным: «Рабство перестало окупать себя и потому отмерло»¹. Известно, что в начальный период своей истории рабство сыграло положительную, прогрессивную роль; оно способствовало развитию производительных сил, науки, техники, искусства. В конце же своего пути рабство, наоборот, превращается в помеху для дальнейшего развития производства, в тормоз для роста производительных сил, в причину хозяйственного и технического застоя и упадка. Маркс подчеркивал губительное влияние рабского труда особенно для производства с высоким уровнем техники: «Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* от животного как *instrumentum semivocale* и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum*. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудию труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и сопомогая подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»².

Вполне понятно, что этот основной порок рабского труда должен был в древности сказываться тем более, чем выше развивались производительные силы общества. Поэтому чрезвычайно важно проследить этот процесс в его конкретных особенностях. Но здесь-то и выступает перед исследователем основная трудность — общеизвестная

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 127.

² К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1949, стр. 203, прим. 17.

скудость источников, касающихся экономики древнего мира. Тем большую ценность представляет одно из немногих дошедших экономических сочинений древности — трактат римского агронома Л. Юния Колумеллы «О сельском хозяйстве». Правда, Колумелла, как это видно из названия его труда, касается проблемы эксплуатации труда рабов лишь в сфере сельского хозяйства. Но именно последнее и являлось основной хозяйственной отраслью как в Италии, так и вообще в древнем мире³.

Нет сомнений, что в годы между Варроном и Колумеллой агротехника в Италии сделала дальнейший шаг вперед. Не случайно у Плиния, писавшего в середине I в. н. э., то и дело встречаются указания на то или иное новшество в сельском хозяйстве: «Это улучшение введено в наше время для прививки лоз», или «Недавно придумано сажать рядом с лозой — „дракона“ — старую лозу», и т. п. Плиний рассказывает о римском всаднике Кореллии, который привил под Неаполем каштан по своему собственному методу — «так получился корелланский каштан — один из лучших», после этого его вольноотпущенник Терей привил снова таким же образом корелланский каштан и т. д. (Plin., NH., XVII, 122). При этом, как и во времена Катона, наибольшее стремление к рационализации проявляли владельцы поместий средних размеров: имея малое количество югеров, владелец стремился извлечь из каждого югера максимум дохода, а это возможно было лишь при условии интенсификации и применения высокой агротехники. Некоторым это удавалось. Плиний, например, рассказывает об одном вольноотпущеннике Ацилии Стенеле. Свой виноградник, размером не более чем в 60 югеров, Стенел путем искусной обработки привел в такое прекрасное состояние, что ему охотно дали за него 400 тыс. сестерций (Plin., NH., XIV, 48), т. е. приблизительно по 6¹/₂ сестерций за югер — цена необычно высокая⁴. Вслед за этим другой вольноотпущенник Реммий Палемон, грамматик по профессии и делец по призванию, купив в Номентанской области запущенный участок земли за 600 тыс. сестерций, пригласил упомянутого Стенела в качестве управляющего этим поместьем. Через восемь лет участок стал давать такой годовой урожай винограда, что его на корню покупали за 400 тыс. сестерций. А еще через два года поместье было куплено за 2 млн. 400 тыс. сестерций Сенекой⁵. Сенека, как известно, не стал бы зря платить деньги.

Ацилий Стенел и Реммий Палемон, так же как за два века до этого владелец катонского поместья, вели интенсивное хозяйство, основанное на разведении винограда и оливок. Для средних землевладельцев такого рода плантационный тип хозяйства,

³ К сожалению, еще до сих пор ценнейший материал трактата Колумеллы не использован должным образом. Сошлюсь на следующий факт. Для иллюстрации отрицательных качеств рабского труда в сельском хозяйстве Италии в I в. н. э. авторы трех наших основных учебных пособий по истории древнего Рима: В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, 1938, стр. 594, Н. А. Машкин, История древнего Рима, 1950, стр. 465 и С. И. Ковалев, История Рима, 1948, стр. 605, использовали лишь одно и то же широко известное место из сочинения Колумеллы — о «рабах, которые вредят полям» (R. r. I, 7, 6—7). Это же место приведено и в «Хрестоматии по истории древнего мира» под редакцией акад. В. В. Струве (т. III, М., 1953, стр. 213). Между тем данный пример мало характерен, так как в нем речь идет о зерновом хозяйстве, отрасли скорее экстенсивной, которая в отношении развития агротехники стояла далеко позади, например, виноградарства. В то же время у Колумеллы можно было бы найти немало несравненно более яркого и убедительного материала, непосредственно свидетельствующего о вредном, задерживающем влиянии рабской *negligentia* на технический прогресс. Интересный анализ высказываний Колумеллы о рабах дала М. Е. Сергеевко в своих статьях по сельскому хозяйству древней Италии: «Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э.», «Известия АН СССР», VII серия ООН, 1935, № 6, стр. 573—598; «Пахота в древней Италии», «Советская археология», 1941, № 7 и др.

⁴ О ценах на землю и затратах на ее обработку под виноградник см. Со I., III, 3.

⁵ Plin., NH., XIV, 50—51; ср. Suet., De Grammat., 23.

по-видимому, мог быть наиболее доходным, иначе люди вроде Палемона за него не брались бы. В подобных хозяйствах особенно живо работала агротехническая мысль и применялась передовая италийская агротехника, но именно поэтому здесь должны были с особенной силой выступить отрицательные качества рабского труда. Посмотрим, как рисуется обстановка в сельском хозяйстве Италии у Колумеллы.

О самом Колумелле мы знаем немного. Он, очевидно, был родом из Гадеса в Испании. Позднее он переехал в Италию и приобрел несколько поместий, но небольших, неподалеку от Рима⁶. Крупным землевладельцем Колумелла не был — это, мне кажется, убедительно показала М. Е. Сергеевко⁷. Богачом — тоже. Судя по всему, в пору написания трактата, т. е. в первой половине 60-х годов I в., основным источником благосостояния Колумеллы являлось занятие сельским хозяйством. Он был опытным и знающим хозяином, и его небольшие виноградники, по крайней мере по его собственным словам, давали такое изобилие вина, что другим это казалось чудом (*prodigialiter videtur*. — III, 3, 3). И в своем трактате Колумелла выступает перед читателем не только во всеоружии теоретических знаний, почерпнутых из агротехнической литературы, но прежде всего исходя из собственной практики, ибо, по его мнению, именно «практика и опыт — это главное в науке» (I, 1, 16). Это обстоятельство для нас еще более повышает ценность труда Колумеллы как источника для понимания условий сельского хозяйства Италии в середине I в. н. э.

Поместье, описываемое Колумеллой, представляет знакомое нам уже по Катону и Варрону сочетание черт натуральности и товарности. Автор во многих местах подчеркивает, что то, что можно произвести в поместье из необходимого для потребления, покупать не следует⁸. Но, пожалуй, в еще большей степени, чем у Варрона и Катона, выражены в хозяйстве Колумеллы черты товарности. Колумелла указывает на желательность расположения поместья неподалеку от моря или судоходной реки или удобной дороги. Все это нужно для «вывоза продукции и ввоза всего необходимого» (I, 3, 3). Ни на минуту он не упускает из виду главной задачи, которая стоит перед хозяином поместья — дать продукции побольше и лучшего качества. Поэтому стремление к интенсификации и рационализации у него еще больше выражено, чем у Варрона. По мнению Колумеллы, имеет смысл значительно переплатить за хорошие саженцы, втридорога отдать за высококвалифицированного раба-виноградаря, за крупных волов. Он советует удобрять землю навозом и для этого устраивать специальные навозохранилища (о которых мы не слышим у Катона), а также рекомендует применять и другие виды удобрений⁹. Наконец, еще более решительно, чем Варрон, Колумелла рекомендует стать на путь экспериментирования, не боясь связанных с этим издержек: «это иногда, правда, убыточно (*damnosum*), но в общем оказывается выгодным (*in summam fit compendiosum*), потому что всякая полоска приносит доход, если владелец ее после долгих проб добьется того, чтобы выращивать на ней как раз то, что следует» (I, 4, 5). Нужно, считает Колумелла, заводить свои питомники саженцев (III, 4—5), подбирать и проверять сорта лоз (III, 9) и т. д.

Проблемы обработки земли и ухода за насаждениями стоят у Колумеллы всегда на первом плане. Он считает, что никакая земля не может быть доходной, если ее тщательнее не обрабатывать. Наоборот, искусство и усердие земледельца может помочь и при плохих качествах почвы, и при неблагоприятных природных условиях (I, 4, 3). Что касается отдельных сельскохозяйственных отраслей, то Колумелла в разных местах трактует и о зерновых культурах, и о скотоводстве, и о плодоводстве и т. д. В иде-

⁶ *Ardeatino agro, quam multis temporibus ante ipsi possedimus, et in Corseolano, itemque in Albano.... (III, 9, 2). ....In nostris Ceretanis.... (III, 3, 3).*

⁷ М. Е. Сергеевко, Два типа сельских хозяйств в Италии I в. н. э., «Известия АН СССР, ООН», 1935, № 6, стр. 589.

⁸ *Col.*, XI, 3, 1.

⁹ О системе удобрений у Колумеллы см. М. Е. Сергеевко, Удобрение хлебных полей в древней Италии, «Труды Института истории науки и техники АН СССР», сер. 1, вып. 4, 1934, стр. 123—147.

альном поместье, по мнению Колумеллы, следует и разводить скот, и сеять хлеб. Кое-где речь идет о продаже овощей, хлеба, мяса, шерсти, молока, сыра (VII, 8, 6). Однако в основном имеется в виду потребление этих продуктов внутри поместья для нужд его людского персонала. Но вино — вот тот продукт, который производится специально для рынка, и именно от него ожидается в основном доход, а также от продажи чубуков. Недаром, специальную главу, посвященную разведению виноградной лозы (III, 3), Колумелла прямо начинает со слов: «Я считаю необходимым прежде всего разрешить основной вопрос: может ли обогатить владельца поместья разведение винограда (*an locupletat patrem familias vinearum cultus?*)». Приводя подробные расчеты и ссылаясь на свой собственный опыт, Колумелла доказывает, что доход с виноградника действительно является весьма значительным (*uberrimus*) (III, 2—3) и что *pater familias*, который, сочетая знание с усердием (*cum scientiam sociaverit diligentiam*), возделывает виноградники, может легко превзойти (*facile superabunt*) в части умножения своего состояния тех, которые «хвалятся своим сеном и овощами» (*foenum suum et olera amplexantur*): и далее следуют советы по рациональному с широким размахом разведению винограда, причем самое серьезное значение придается в равной мере подбору сортов, и обработке земли, и в особенности уходу за насаждениями: *id, enim, quasi caput et columen est impensarum* (III, 4,3).

Подробно рассматриваются различные операции, например, *pastinatio* (вскапывание почв под виноградник), *rampinatio* (обрезка лишних побегов с листьями на виноградных лозах) и т. д., и каждый раз Колумелла подчеркивает не только значение этой операции, но и необходимость произвести ее как можно лучше, тщательнее. В некоторых случаях он рекомендует отдельные нововведения, которые он сам испытал, иногда даже позаимствованные в других странах усовершенствования, вроде *terebra Gallica* — «гальского буравчика», который автор сам проверил и нашел, что он намного удобнее и полезнее, чем старый буравчик, известный до сих пор при прививке лоз, *longe habiliorum utiliorumque... quam... antiqua terebra*¹⁰.

В большинстве случаев Колумелла не скрывает от читателя, что важнейшим условием, необходимым для успеха дела, является наличие соответствующих кадров рабочей силы¹¹.

Что труд рабов является для Колумеллы необходимой предпосылкой интенсивного ведения хозяйства, в этом мы убеждаемся во многих местах при чтении его трактата. Рассчитывая, например, необходимый сельскохозяйственный инвентарь для имения, он прямо указывает, что число орудий должно быть вдвое больше числа рабов (*duplicia quam numerus servorum*, — I, 8, 8). Свободные наемные рабочие совершенно не принимаются при этом в расчет, хотя так же, как и у Катона и Варрона, привлечение наемных свободных рабочих рук, но только на период уборки урожая и т. д., имело место, несомненно, и в поместье Колумеллы¹².

Вопросам эксплуатации рабского труда Колумелла уделяет очень много внимания, чувствуется, что эта проблема для хозяев типа Колумеллы была проблемой первостепенной важности. Общая тенденция по отношению к рабам, конечно, та же, что и у Катона, — выжать максимум прибавочного продукта, максимум пользы для хозяина. Но внимательно присмотревшись, мы убеждаемся, что в формах и методах использования рабского труда произошли явные сдвиги сравнительно даже с более близким, хронологически, Варроном.

Непригодность одного только метода грубого насилия применительно к рабам для Колумеллы еще более ясна, чем для Варрона, и по тем же причинам: интенсивное, поставленное на научных основах земледелие можно вести только при помощи квалифицированной рабочей силы; но это значит, что важно не только получить от раба

¹⁰ IV, 29. Ср. P l i n., NH, XVII, 116. «В наше время введено улучшение — гальский буравчик».

¹¹ C o l., I, 7, 1... praecipua cura dominis requiritur maxime in hominibus.

¹² Ср. H. G u m m e r u s, Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella, Lpz, 1906, стр. 81—82.

известное количество труда, но и чтобы этот труд был нужного качества, ибо «трудно даже сказать, насколько усердный и старательный работник может сделать больше сельскохозяйственной работы, чем нерадивый и медлительный»: *in agresti negotio vix dici potest quia navus operarius ignavo et cessante praestet* — XI, 16. Поэтому Колумелла чрезвычайно большое значение придает вопросам квалификации труда рабов.

В хозяйстве, которое пытаются поставить на рациональную основу, условия труда непосредственного производителя значительно усложнены и требования к нему предъявляются более высокие и сложные. Невыгодно, считает Колумелла, чтобы «все делали все» (*ne confundantur opera familiae sic, ut omnes omnia exequantur*) (I, 9, 5). Наоборот, нужно специализировать рабов на отдельных работах, причем важно учитывать физические и интеллектуальные качества и способности таким образом, чтобы, например, «рабы-пахари и виноградари составляли две разные группы и в свою очередь не смешивались с чернорабочими» (I, 9, 6). Тот раб, который имеет дело с волами — *bubulcus*, должен обладать, помимо известных знаний, еще и зычным голосом и наружностью, внушающей страх, но он должен быть кроткого характера и скорее казаться, чем быть свирепым, тогда волы будут его слушаться и дело обойдется без кнута. Пахари должны быть ростом повыше, а для работающих в виноградниках, наоборот, рост не играет роли, скорее туда подойдет человек приземистый, но мускулистый и т. д. Но особенно большую роль в условиях хозяйства Колумеллы приобретают душевные качества (*habitus animi*) и интеллектуальное развитие рабов. Старшие по работам, так как эта должность *custodiae diligentis et artis officium est*, в особенности должны отличаться не столько мускульной силой, сколько усердием, общим развитием и специальными познаниями в соответствующей отрасли хозяйства. Для приобретения этих качеств Колумелла рекомендует этих рабов с юных лет отдавать на воспитание к «хорошему пахарю, превосходному садовнику, честному пастуху» (XI, 1).

Но оказывается, вдобавок, что все эти качества нужны и для остальных рабов. Даже копка и пахота, по мнению Колумеллы, требуют не только физических сил, но и определенных знаний и навыков (*artes*), так же как косьба; для раба, который пасет и лечит скот, еще большее значение имеет знание дела (*scientia*), а также и усердие. В особенности же для работы в виноградниках требуется не только крепкий, но и предприимчивый и понятливый раб (*non solum enim fortem sed et acuminis strenui* — I, 9, 4), и, пожалуй, тут даже важнее *artes*, чем *vires: minus virium plus artes* (XI, 8), потому что, предупреждает Колумелла, виноградник — это вещь нежная и требующая особенно внимательного к себе отношения (*res tenera, infirma et iniuriae maxime impatiens* — IV, 3, 4). Не случайно Колумелла согласен заплатить за хорошего виноградаря до восьми тысяч сестерций, то есть намного дороже обычной цены (III, , 8).

Итак, для нас ясно, что для хозяина типа Колумеллы важно использовать раба уже не только как *instrumentum vocale* — как орудие, отличающееся от других орудий только наличием речи, но и как существо, одаренное интеллектом, способное воспринять и усвоить определенную сумму знаний, более того, способное проявить инициативу, применить свои познания и свой опыт на пользу хозяина. Но именно в этом случае и проявляются в полной мере отрицательные качества рабского труда, как труда «людей, отчаявшихся и потерявших надежду»¹³.

Интересы раба противоположны интересам господина — это отчетливо понимает Колумелла: раб совершенно не заинтересован в том, чтобы работать усердно и хорошо. Наоборот, его здравый смысл должен подсказать ему как раз обратное: поменьше тратить сил на свой неблагодарный труд и стараться не обнаруживать своих способностей, чтобы его не заставили трудиться еще больше и не поручили еще более сложной и ответственной работы¹⁴.

¹³ Plin., NH., XVIII, 36.

¹⁴ В а г г о w, *Slavery in the Roman Empire*, L., 1928, стр. 77, отмечает, что отношение производительности труда свободного к производительности труда раба, судя по изысканиям, произведенным в 1789 г. в Вест-Индии, составляло 8: 2, 9: 5, 3:1.

Как нечто общеизвестное рисует Колумелла (XI, 17) картину рабской familia, которая утром медленно и лениво (*cunctanter et languido procedet*) движется на работу, в то время как должна бы рваться точно в бой, с энергией и рвением (*velut in aliquod proelium... cum vigore et alacritate animi*). Рабы всегда медлят приступить к работе (... *familiam semper ad operam cunctantem*), всегда стараются найти возможность затянуть ее или увильнуть от труда (*tricandi potestas*), свалить на других. Они также могут, например, притворяться больными (*languido simulanti*) и т. д. Как работать с такими людьми? И советы Колумеллы представляют собою целую систему мероприятий, при помощи которых он стремится разрешить это, в конечном счете неразрешимое, противоречие. Присмотревшись к этой системе, мы убеждаемся в том, что она представляет собой не только дальнейшее развитие положений Катона и Варрона, но что она содержит в себе и кое-что новое.

В основе этой системы все так же лежит, конечно, физическое принуждение в сочетании с целой серией разного рода стимулов, как материального порядка, так и нематериального. Колумелла ставит перед собой цель — привить рабу хотя бы временный интерес к труду. Тут и совет время от времени пошутить с рабом или сделать вид, будто советуешься с ним: «таким образом, я получаю представление о способностях каждого из них и его усердии... они же в этом случае охотнее делают работу, которую, как они думают, я предпринял по их совету» (I, 9). Тут и метод урочных индивидуальных заданий, при котором легче выявить прилежного и нерадивого; и целая система *honorum*, вроде приглашения отобедать с виликом, по отношению к наиболее выдающимся рабам и т. д.

Однако в отношении к рабам у Колумеллы по сравнению с Варроном можно отметить чрезвычайно характерный момент. Если Варрон настаивает на создании искусственной разницы в жизненном уровне между верхушкой рабского населения поместья и остальными рабами¹⁵, то Колумелла всячески подчеркивает необходимость проявить внимание к рабской массе в целом. Нужно, чтобы не только выдающийся раб, но и любой рядовой раб чувствовал, что о нем заботятся. Рабы должны быть хорошо ухожены и одеты (*cultam, vestitamque familiam... habeat*, I, 8, 9) так, чтобы одежда защищала их от ветра, и от дождя, и холода. В поместье должна быть большая, высокая и светлая кухня (*culina*), чтобы рабы с удобством (*commode*) могли в ней находиться во всякое время года. Незакованные рабы должны проживать в каморках (*cellae*), окна которых должны быть обращены на юг (I, 6, 2—3). Рано утром пусть вилик выводит рабов на работу и пусть будет неотлучно при них. Пусть он различными способами подбадривает их к работе и поднимает их настроение (*variis exhortationibus in opere ipso exhilaret laborantes*, XI, 17), а иногда, как бы желая помочь отставшему, возьмет в руки сельскохозяйственное орудие и покажет, как нужно «по-настоящему» работать. И когда рабы возвращаются с работы, вилик также не должен тотчас уходить в свою комнату. Он должен уделить каждому из рабов величайшее внимание (*cuiusque maximam curam*), проследить за тем, чтобы они получили сколько положено еды и питья, чтобы их не обманул кладовщик (*cellarius*) и т. п. Тех, кто поранился на работе, он должен перевязать, дать лекарство; раба, который заболел, немедленно отправить в лечебный пункт и приказать, чтобы о нем позаботились (XII, 3), и т. д.

Мы помним, каково было отношение к больному рабу во времена Катона, характерно, как изменилось в этом отношении положение у Колумеллы. Вместо исключительного по своему цинизму и скарредной расчетливости совета урезать паек заболевшему рабу, продавать больных и старых рабов и т. д., мы узнаем, что в поместье Колумеллы имеются специальные помещения для больных рабов — лечебные пункты

Если это отношение было и в древности, то для производства одной и той же работы необходимо было иметь в три раза больше рабов, чем свободных.

¹⁵ Ср. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1950, стр. 288; М. И. Р и ж с к и й, Варрон как источник по истории рабства в древней Италии, «Ученые записки Читинского государственного педагогического института», 1957, вып. 1, стр. 235—241.

(*valetudinaria*, XII, 1—3). Эти помещения должны содержаться в чистоте, регулярно проветриваться, они должны быть хорошо обставлены и убраны (*bene ordinata et ornata et salubria... languentibus*), чтобы больные рабы были в наилучших условиях (*commodissime ministrantur*). За этим делом должна специально следить сама виллика — жена управляющего и его ближайшая помощница. Но вот интересный штрих. Положим, раб вернулся не во-время с поля. Виллика, которая находится все время дома, должна тотчас же проверить, по какой причине он это сделал — по болезни или из-за лени, «даже того, кто притворился больным (*vel simulantem languorem*) виллика должна без промедления отправить в *valetudinarium*, ибо «пусть лучше раб, уставший от работы, отдохнет один-два дня под наблюдением, чем изнеможенный заболеет на самом деле» (XII, 3, 7). Тут же Колумелла выясняет мотивы подобного поведения. Они, оказываются, ничего общего не имеют с соображениями морали и человеколюбия; в то же время обнаруживается, что хозяином руководит не одна только боязнь потерять работника или ослабить его. У него расчет более дальнего прицела. «Ведь от проявления подобного рода заботы по отношению к больному рабу рождается преданность к господину, не только повиновение, а раб, которому будет оказано такое внимание во время его болезни, когда выздоровеет, будет стараться на работе гораздо больше, чем раньше» (XII, 1, 6). Признание очень интересное.

Итак, рабовладельцу мало иметь здорового и квалифицированного раба, даже мало, чтобы этот последний проявлял одно повиновение (*obsequium*) господину, — хозяину требуется нечто большее — преданность и верность (*benevolentia et fides*). Опять-таки сравним с Варроном. У того речь идет о стремлении рабовладельца заслужить *benevolentia* со стороны отдельных рабов, поднимающихся над общим уровнем, рабской верхушки. У Колумеллы имеется в виду любой *operarius*, рядовой ленивый раб, который способен убежать с поля вследствие лени или притвориться больным, чтобы увильнуть от работы. «Виллик, — неоднократно убеждает Колумелла, — пусть оказывает знаки внимания (*foveat*) лучшим и усердным рабам, но снисходит также к менее хорошим, менее честным — *parcat et minus bonis... minus probis* (I, 8; XI, 1, 25). В чем тут дело? Некоторую ясность вносит одно чрезвычайно любопытное место. Культура винограда, как уже было сказано, требует особенно значительных интеллектуальных качеств и навыков со стороны рабов. Поэтому-то, указывает Колумелла, на виноградниках обычно и применяются *alligati* — рабы, закованные в цепи. Дело в том, поясняет автор, что бесчестные рабы часто обладают живым умом, который требуется условиями этой работы (*velocior est animus improborum quam desiderat huius operis conditio*), хотя, конечно, с огорчением продолжает Колумелла, «из двух человек одинаковых способностей честный всегда лучше выполняет работу, чем бесчестный; я сделал эту оговорку, чтобы никто не думал, будто бы я предпочитаю обрабатывать свои поля при помощи негодяев, чем при помощи порядочных людей»¹⁶. Недоговоренная мысль автора вполне ясна. Работа в его хозяйстве требует помимо физической силы еще и сметливости, понятливости. Но рабы, обладающие этими качествами, как раз обычно бывают, вдобавок, еще и *improbi, poxii* — бесчестные и зловредные, почему они чаще всего и оказываются среди *alligati*. Владелец поместья и рад бы иметь дело с невинным и добропорядочным рабом, который бы работал не за страх, а за совесть, да где взять такого? Волей-неволей приходится использовать строптивых и бесчестных кандалников и снисходительно относиться к ним.

Правда, несколько выше Колумелла утешил своего читателя тем, что для работающих в винограднике менее важна добросовестность (*frugalitas*), так как эти работы выполняются все в одном месте и под надзором (*in turba, sub monitore*) (I, 9, 4). Но мы вскоре увидим, что и это утешение слабое.

Вообще чтение трактата Колумеллы делает ясным, как много времени и средств тратилось на непроизводительный труд надзора (*custodia*) и какое важное значение

¹⁶ *Nihil tamen eiusdem agilitatis homo frugi non melius, quam nequam faciet; hoc interposui, ne quis existimet in ea me opinione versari, qua malim per noxios quam per innocentes rura colere* — I, 9, 5.

придавалось этому фактору в рабовладельческом поместье. У Колумеллы в этом отношении предусмотрено все до мелочей.

Жить рабы должны вместе, чтобы легче было наблюдать за ними, и виллику не приходилось бы разрываться на части в своем усердии при наблюдении за рабами. С этой целью и помещение виллику должно быть отведено недалеко от помещения рабов, у самой входной двери, чтобы он мог хорошо видеть всех входящих и выходящих. Главному управляющему поместья (*procurator*) надо дать помещение над дверью, ради той же цели, но вместе с тем, чтобы он мог наблюдать и за вилликом. На работе рабы должны быть партиями, не больше чем по 10 человек (*декурии*). Так легче присматривать за ними и «усердию надсмотрщика не ставится никакой непосильной задачи». Нельзя разрешать рабам расходиться по-двое, по-трое, над каждыми 4—5 человеками нужно назначить страшого (*magister operum*), а над ним, в свою очередь, должен быть надзиратель (*monitor*), который сам подчинен виллику. Но еще выше виллика стоит прокуратор. Кроме того, также имеется в виду, что рабы должны сами следить друг за другом. И, в конце концов, все же оказывается совершенно необходимым, чтобы хозяин сам постоянно контролировал работу своих рабов-агентов: прокуратора, виллика и других.

В советах Колумеллы постоянно проглядывает твердое, основанное на горьком опыте убеждение рабовладельца в том, что там, где нет надзора со стороны хозяина, предоставленный самому себе раб не только ничего путного не сделает, но, более того, навредит хозяину, чем только сможет. Именно поэтому Колумелла рекомендует сдавать в аренду участки (*fundi*), наиболее удаленные от хозяйского глаза. Что бы ни возделывалось на таком участке, выгоднее сдать его в аренду свободному колону, чем вести хозяйство при помощи виллика. В особенности это относится к зерновому хозяйству, которому, по свидетельству Колумеллы, рабы приносят наибольший вред: волов сдают в аренду на сторону, плохо пасут их, так же, как и остальной скот. Нерадиво пахут землю, крадут из семенного материала и не стараются, чтобы посеянное принесло хороший урожай. А когда зерно свезут на ток, во время молотбы, количество его также ежедневно уменьшается вследствие рабской нерадивости и мошенничества (*fraude*), так как они и сами воруют, и от других воров не берегут. И даже свезя зерно в житницу, не ведут правильного учета. Виллик не радеет и ворует, и остальные рабы следуют его примеру, и это поместье скоро теряет всякую ценность для хозяина (*saerius.... ager infametur*, I, 7). Но насколько вообще эффективным является надзор над работой раба? Оказывается, что этот надзор далеко не всегда приносит реальные плоды. Скажем, наступает период сбора винограда. Но не все гроздья виноградника созревают в одно и то же время. Если ждать, пока дойдут запоздавшие кисти, то тем временем ранее поспевшие перезреют. Часть опадет, часть пострадает от птиц, дождя, ветра. Лучше всего бы, конечно, собирать выборочно, постепенно снимая созревающие кисти, но в этом случае, объясняет Колумелла, вероятнее всего, что *pater familias* станет жертвой недобросовестности сборщиков¹⁷ (*negligentia vindemiatorum aleam subeat*). Дело в том, что эти последние, для того чтобы поскорее закончить работу, вернее всего будут собирать вместе со зрелыми кистями и незрелые и мешать разные сорта. В результате вино такого сбора не сможет долго сохраняться, вкус у него будет испорченный, и хозяину уже не получить за него высокой цены (*plurimum pretium*). А надзор? Надзор надзором, но, уныло замечает Колумелла, «невозможно ведь поставить над каждым надзирателя (*neque enim singulis totidem antistites dare potest*), который бы наблюдал и приказывал не мешать незрелый виноград со зрелым (III, 21).

В таком положении владелец виноградника оказывался не только в период сбора. Так же обстоит дело, например, со всеми операциями, связанными с обрезкой лоз, прививкой черенков и т. д. Для этих целей Колумелла предписывает применять специальный усовершенствованный инструмент — виноградарский серп (*falex vinitoria*), и он подробнейшим образом описывает, каким должен быть этот серп и как им работать (IV, 24—25).

¹⁷ На время сбора винограда обычно привлекались, кроме рабов, и наемные рабочие. Но то, что Колумелла говорит о сборщиках вообще, к рабам, конечно, относилось в первую очередь.

Пользоваться им нужно умеючи. Каждая часть этого серпа, а всего имеется шесть частей, имеет свое название и определенное назначение для той или иной операции. Виноградарь должен следить за тем, чтобы этот инструмент был всегда в порядке, чтобы «он был острым, как бритва». Легким движением он должен срезать соответствующую часть растения, но отнюдь не рубить по лозе, нанося в одном месте по нескольку ударов тупым серпом, от чего лоза, «истерзанная и измочаленная в этом месте, истекает соками, и раны ее не скоро заживают» и т. д. Но та же 24-ая глава кончается следующими словами: «Я знаю много виноградников, которые погибли из-за того, что все эти условия не выполнялись» (... plurimos per hanc incitiam vastare vineta comperi — IV, 24). А отбор чубуков (*malleoli*)? Это важнейшее и крайне необходимое дело! И что же! — с возмущением восклицает Колумелла, его сплошь и рядом поручают рабу, совершенно не заботясь о том, насколько последний подходит для этой работы, насколько он сведущ и внимателен. Поручают первому попавшемуся. Но еще хуже то, что если даже у такого раба есть какие-нибудь знания в этом деле, он вследствие своей неверности (*propter infirmitatem*) — скрывает их и предпочитает, чтобы выполнить урок, заданный виликом, работать и невнимательно и недобросовестно (*nihil religiose, nihil curiose*), заботясь только о числе и совершенно не беспокоясь о том, чтобы отобрать действительно лучшие, срезанные в нужном месте черенки (III, 10, 6—7).

Нет почти такой операции в винограднике, на которой прямо или косвенным образом не выявлялось бы губительное влияние нерадения раба. Владелец поместья, считает Колумелла, должен всегда иметь в виду этот фактор, и сам автор как хозяин-практик подает пример в этом отношении. Теоретически, например, он согласен с предложенной Юлием Аттиком нормой высадки саженцев, но тут же вносит поправки: «Юлий Аттик в таких условиях считает обильной нормой 10 тыс. саженцев. Мы, однако, сажаем на 4 тыс. больше, так как из-за нерадения рабочих большая часть погибнет (*quia negligentia cultorum magna pars deperit, III, 16, 3*)». Наконец, следующее рассуждение (III, 20, 21) как бы подводит итог. Речь идет о преимуществах, которые дает посадка лоз по сортам (*per species*). Разные сорта должны быть посажены по отдельности, в разных местах виноградника и отделены один от другого более или менее широкими дорожками.

Практические преимущества рекомендуемого им способа посадки лоз совершенно очевидны. Перечислению их Колумелла посвящает целую главу, чтобы в конце концов закончить довольно пессимистически: «Если же ты не сможешь осуществить отдельной посадки лоз, то постарайся, хотя бы, садить вместе только такие, которые дают вино одинакового вкуса и созревают одновременно». Почему такая неуверенность? Оказывается, все это предприятие требует такого сочетания знаний и внимательности, что Колумелла даже не пытается утверждать, будто кто-нибудь другой, помимо самого хозяина, сможет его осуществить. Довериться в этом деле даже вилику или виноградарю значило бы проявить непростительную беспечность, от которой успеха не жди (*quam tamen diligentiam nisi per ipsum patrem familias exhiberi posse non affirmaverim. Nam credidisse vilico vel etiam vinitori socordis est*). Даже самому Колумелле при всем его опыте и знаниях не удалось осуществить эту рационализацию. Несколько сконфузненно, как бы стыдясь своей неудачи в столь горячо рекомендуемом деле и в то же время оправдывая себя ссылкой на других хозяев, он вынужден признаться: «Ни сам я не добился этого от своих рабов и никто другой до меня из тех, кто признавал величайшие преимущества этого способа» (*non... aut ipse potuerim a meis familiaribus hoc obtinere, aut ante me quisquam eorum, qui quam maxime id probaverit effecerit*) (III, 20, 4). Теперь для нас ясно, почему так важно для Колумеллы обеспечить себе не только обsequium, но и fides со стороны рабов. И ясно также, что в глубине души сам он мало верит в возможность таких отношений между рабом и рабовладельцем.

Итак, в трактате Колумеллы явственно отразился важный факт — резкое обострение к середине I в. противоречий в итальянском сельском хозяйстве между внутренне присущей производительным силам тенденцией к постоянному развитию и отрицательными качествами труда рабов как непосредственных производителей. Именно здесь крылась одна из главных причин, обусловивших в недалеком будущем упадок

рационально поставленного, интенсивного хозяйства, за которое так ратовал Колумелла, и последовавшее затем превращение Италии в конце I в. н. э. в страну преимущественно зернового и пастбищного экстенсивного хозяйства¹⁸. Экстенсивное хозяйство имело в этом отношении то преимущество, что в нем к рабу не предъявлялось тех высоких требований, как, например, в хозяйстве Колумеллы. Поэтому оно было более устойчивым.

Хозяин, который, не мудрствуя лукаво, разводил какие-нибудь простые, неприхотливые сорта винограда, мог, естественно, гораздо меньше беспокоиться за свой продукт, чем тот, который культивировал благородную аминейскую лозу, пытался рассаживать виноград по сортам и ломал себе голову над проблемой, каким образом привить рабу подлинный интерес к труду, проблемой, которую, как мы видели, Колумелле так и не удалось разрешить. Интересно, что так обстояло дело не только с разведением виноградников, но и в скотоводстве. Заманчиво, конечно, разведение тонкорунных овец тарентинской породы, «наилучшей из всех пород», но умудренный горьким опытом Колумелла отнюдь не рекомендует браться за это дело, разве только если хозяин сможет непосредственно осуществлять наблюдение (*pecus Tarentinum... nisi cum dominis praesentia est, ... vix expedit haberi*). Причина, конечно, все та же: эти овцы «очень нежные» (*mollissimi*) и требуют «величайшей заботы» (*maiores curam*), доверить их рабу недопустимо, даже виллику, так как последний, конечно, постарается своровать часть предназначенного для овец корма и т. п., а если это случится, то результат будет самый пагубный: тарентинские овцы совершенно не могут переносить лишения и на такую несправедливость со стороны виллика ответят массовым падежом (*si quid ... sibi detrahitur fraude vilici clades sequitur gregem* — VII, 4,1—2). Тот, кто ограничивался разведением простых и менее прихотливых пород скота, очевидно, меньше рисковал пострадать от *fraus* своего раба, так как простые овцы требуют гораздо меньше тщательности в уходе.

Рационализаторские же стремления рабовладельца, его попытки ввести более высокую технику в сельское хозяйство, как видим, наталкивались на упорное сопротивление со стороны раба и по большей части терпели неудачу. Рабовладельческие отношения оказывались тормозом для развития производительных сил.

М. И. Рижский

---

¹⁸ Ср. М. Е. Сергеевко, Пахота в древней Италии, «Советская археология», 1941, № 7, стр. 220; Ср. М. R o s t o v t z e f f, The social and economic history of the Roman Empire, Oxf., 1926, стр. 94.